

История философии

67 Введение в экзистенциализм.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

А теперь о некоторых трудностях, связанных с прагматизмом. Ричард Бернштейн, работающий в Хаверфордском колледже, раньше преподавал в Йельском университете. Ричард Бернштейн много писал о прагматизме и о попытках перенять прагматистские принципы в своем мышлении, и в связи с этим перечислил пять вкладов прагматизма.

Я так понимаю, это вклад в его собственное мышление. Возможно, вы не все из них считаете вкладом, но по крайней мере некоторые из них. Первый — это отказ от фундаментализма, и вы замечаете, как эта тема постоянно повторяется.

это будет также в экзистенциальной традиции. Отказ от фундаментализма, этой традиции, дошедшей до нас от Декарта, попытки логически вывести все остальное из определенных несомненных основ. Второй вклад — фаллибилизм.

Фаллибилизм — это точка зрения, согласно которой все человеческие суждения ошибочны, поэтому не существует логически несомненной уверенности. И, конечно же, это часть отказа от фундаментализма. Но, разумеется, прагматист, принимая фаллибилизм, считает, что прагматический подход — это самокорректирующийся процесс, поскольку активное внедрение и экспериментирование с идеей, такой как гипотеза, очевидно, будет корректировать преждевременную самоуверенность, догматизм и так далее.

Третий вклад, который он перечисляет, — это социальный характер самосознания. Иными словами, разрыв с изолированным атомистическим взглядом на индивида. Теория Робинзона Крузо.

И мы рассматриваем себя скорее как точку опоры в целом комплексе социальных отношений. Это особенно очевидно у Дьюи. И я думаю, понятно, почему в любом движении, находящемся под влиянием Гегеля, можно обнаружить подобную обновленную попытку сформулировать идею о том, что мы — социальные существа, а не изолированные индивиды.

Атомизм XVIII века отвергается в силу гегелевского представления о возникновении индивида в ходе истории. Если хотите, возвращаясь к гегелевской концепции конкретного универсального, индивид представляет собой историческую реализацию универсальных возможностей прошлого. Таким образом, универсальность и частность объединяются в индивиде.

Вспомните тезис Гегеля об антитезисе, синтезе универсального, частного и индивидуального. И поскольку эти универсальные возможности представляют собой отношения с другими людьми в обществе, то и индивид является таковым. Точно так же проблемная ситуация не является чем-то изолированным, а возникает в результате всей сети отношений, в рамках которых мы существуем.

Биологические, психологические, социологические, экологические и так далее. Поэтому эта концепция имеет важное значение. И с этим, пункт номер четыре, связана случайность человеческой жизни и человеческой природы.

Не только сама жизнь зависит от множества факторов, но и то, кем я являюсь как индивид, зависит от множества факторов, генетических и экологических. То же самое верно и для человеческой природы в целом, в силу эволюционного натурализма Дьюи, — она зависит от своего эволюционного прошлого. И пятый вклад прагматизма, внесенный Бернштейном, — это принятие плюрализма.

Философский плюрализм, этический плюрализм и религиозный плюрализм — фраза, хорошо знакомая многим из вас после конференции на прошлой неделе. Иными словами, это признание того факта, что существует множество различных точек зрения, среди которых невозможно выбрать с какой-либо логической уверенностью. Таким образом, возникает релятивизм в отношении альтернативных позиций.

За исключением случаев, когда убеждение подтверждено опытом. Но, конечно, следует помнить, что даже экспериментальная проверка не дает окончательного подтверждения позиции. Просто потому, что прагматическая проверка допускает ошибку подтверждения следствия.

Вам это знакомо, если в гипотетическом силлогизме вы говорите: если А, то В. И вы отвечаете: да, В верно, следовательно, А. Вы утверждаете следствие, что логически ошибочно. Если пойдет дождь, я промокну. Я промокаю, значит, идет дождь.

Вовсе нет. Кто-нибудь мог бы направить на меня шланг. Есть множество других способов промокнуть.

Таким образом, прагматический тест, действующий таким образом, может установить некоторую, если хотите, вероятность того, что А истинно в традиционном смысле истинности. Но, безусловно, никакой уверенности. Но прагматиста не интересует уверенность, и его не интересует традиционный смысл истинности.

Таким образом, непредвиденность неизбежно сохраняется, и плюрализм тоже сохраняется. Это означает, что прагматизм — это своего рода постмодернизм. Это своего рода антиреализм.

И, безусловно, именно в этом направлении впоследствии все и развивалось. В прошлый раз я упоминал, например, Ричарда Рорти. И он, пожалуй, является антиреалистом *par excellence* в современной мысли.

Итак, эти вещи. Бернштейн готов принять их все. Я, пожалуй, готов купить первые три с половиной, четыре из них.

Отказ от фундаментализма, фаллибилизма, социального характера личности, случайности человеческой жизни и так далее. Мои трудности с прагматизмом, конечно же, проистекают из его философского натурализма. Из лежащего в его основе натурализма.

В силу этого, ничто из существующего не обладает внутренней ценностью. Это, безусловно, является одним из неизбежных следствий философского натурализма. Источником ценности, конечно же, скорее всего, будет то, что ценит сам индивид.

И Дьюи об этом прямо заявляет. Он отказывается говорить о том, что является ценным. Это подразумевает наличие внутренней ценности.

И речь идет только о том, что ценится. Поэтому потеря внутренней ценности вызывает опасения, если внутренней ценности нет.

Нет, возьмите свои слова обратно. Если существуют внутренние ценности, то очевидно, что прагматизма, который занимается только относительными ценностями, недостаточно. И связь между теорией и практикой будет гораздо шире, чем просто прагматическая.

Из-за внутренней ценности. Но это приводит ко второй трудности: прагматизм не только отвергает внутренние ценности, но и принимает только ситуативную ценность убеждения или идеи. Поэтому каждая ситуация может быть разной.

Как будто жизнь состоит из множества отдельных ситуаций. Каждая отличается от другой. Это своего рода атомизм.

И поэтому, я думаю, он не видит упорядоченности, присущей человеческому существованию. Иными словами, существуют универсальные типы ситуаций. Универсальные типы желаний.

Следовательно, существуют универсальные виды ценностей. Взаимосвязанные в единстве целого. Моя претензия заключается в том, что Дьюи недостаточно внимания уделяет взаимосвязи.

Это одно из следствий натурализма. Но если существуют универсальные типы проблемных ситуаций, универсальные человеческие потребности, ценности, то это указывает на некую телеологию, которая пронизывает всё человеческое существование и природу. Это подразумевает, что мы имеем дело не просто с отдельными проблемными ситуациями, а с общей ситуацией.

Необходимо рассмотреть целостный замысел жизни. Смысл жизни в целом, ее цель. А не только то, чего хочется в конкретных ситуациях.

Мне кажется, суть проблемы заключается в том, что натурализм отрицает внутренние ценности. Но как только вы объединяете внутренние ценности во взаимосвязанное целое, вы получаете структуру логоса и телеологию. Это выведет вас далеко за рамки возможностей прагматического метода.

Но пусть это будет сказано в контексте определенных оценок. Еще одна вещь, которую я давно ценю в прагматизме, — это признание им внутренней связи между теорией и практикой. В философии Просвещения наблюдается тенденция рассматривать теорию исключительно ради понимания.

И если найдется какое-то применение, то это замечательно. А вот чему, как мне кажется, я научился у Дьюи, так это тому, что естественным стимулом для теоретического исследования, его естественной средой обитания, если хотите, является сама жизнь. Таким образом, теоретическое движение мысли пробуждается событиями, происходящими в течение жизни.

В результате мы оказываемся в ситуации, когда нам приходится отступить назад, чтобы попытаться понять, что происходит. И интеллектуальное любопытство сохраняется в основном по теоретическим, а также практическим причинам. Но всегда существует замкнутый круг обратной связи: практика — теория, теория — практика.

И я думаю, это хорошо демонстрируется историей философии. Там можно увидеть взаимосвязь между важнейшими проблемами того времени и теоретическими разработками. А также как в стимулировании теоретического направления, так и в обратной связи теории с практикой.

В этом плане Дьюи мне очень помогает. Он помогает рассматривать философию в контексте жизни. Я вижу, как люди кивают головой, когда я это говорю.

Я вижу, как у некоторых загораются глаза. Я вижу улыбки на лице Брайана и так далее. Кто-нибудь хочет что-нибудь сказать? Нет? Вас слишком увлекла вторая тема? Хорошо, давайте перейдем к ней.

Итак, в течение следующих двух недель мы будем изучать экзистенциализм и феноменологию. Не путайте эти два понятия. Термин «феноменология» мы встречали в работах Гегеля.

Поэтому следует помнить, что феноменология — это метод, а не позиция. Это скорее описательный метод, чем философская теория. Однако именно этот описательный метод был адаптирован и использован некоторыми экзистенциалистами XX века.

Итак, наше знакомство с экзистенциализмом должно начаться с корней XIX века у Кьеркегора и Ницше. Оба они включены в антологию Гарднера. И вы оба будете читать их на этой неделе, не так ли? Я хотел спросить, просил ли я вас сформулировать тезисы .

И учитывая весь тот объем чтения, который мне предстоит сделать, я только что потратил восемь часов на изучение экзаменационных работ по другому курсу. А теперь мне еще предстоит прочитать ваши рецензии на книги на этой неделе. Я решил, что милосердие к самому себе не является чем-то излишним.

Хотя мне бы хотелось, чтобы вы сформулировали эти тезисы, я не буду навязывать их себе на данном этапе. Поэтому я этого делать не буду.

Но обязательно прочтите. Вы найдете их интересными и полезными. Я буду обращаться к ним по ходу дела.

Экзистенциализм был преимущественно европейской философией. И я говорю «был», потому что это действительно было философское движение, расцветшее в первой половине XX века.

И во многом это уже устарело. Я склонен рассматривать активистские шестидесятые как конец экзистенциализма. Видите ли, если пессимистический экзистенциалист утверждал, что жизнь бессмысленна, у неё нет цели, то в шестидесятые было слишком много смыслов и целей.

Таким образом, мне кажется, что в этом контексте произошел своего рода спад. Он не был восстановлен . Однако экзистенциализм — это не столько теоретическая позиция, теория или набор доктрин, сколько нечто большее.

Это не столько школа мысли, сколько объект внимания, предмет беспокойства. Иными словами, объект внимания, сосредоточенный на человеческом существовании.

Речь идёт не о сущности человеческой природы. Это был бы эссенциализм, а не экзистенциализм. Это не фокус на сущности.

Но речь идет о существовании. О проблеме человеческого существования, как мы его воспринимаем. И поэтому некоторые фразы, которые мы встречали у Уайтхеда и Дьюи, весьма уместны.

Конкретный опыт. Не тот абстрактный опыт, о котором говорил Джон Локк, а конкретный опыт. И идея самосознания как линзы, через которую рассматривается всё остальное.

Очень уместно. Потому что это самосознательное существование. Осознание существования в таком мире.

Именно это и волнует экзистенциалиста. Существование, которое может быть бессмысленным или неаутентичным. И вопрос в том, как оно может быть аутентичным? Как оно может обрести смысл? Или как мы можем придать ему смысл? Поэтому, я думаю, этот экзистенциальный подход можно рассматривать как философию человеческого существования.

Философские размышления о человеческом существовании. Человеческое существование в разрушенном мире. Каково это? Жить осознанно, внутренне, в таком мире.

Пустоши. Т.С. Элиот. И суть в том, что мы осознаём свою жизнь в таком мире.

Возможно, в наши дни это слишком распространенное явление, чтобы считать его чем-то особенным. Но вы когда-нибудь чувствовали себя неловко перед камерой? Я уже перестала стесняться перед ней. Я просто игнорирую это.

За исключением сейчас, когда я разговариваю с ним. Но самосознание перед лицом собственной смерти. Да.

Да. Помню, как мы хоронили моего тестя. После того, как гроб опустили в темную яму, я посмотрел вниз и сказал себе: «Ну, дальше я».

Моё поколение. Понимаете? Сейчас это не просто осознание, а нечто большее.

Но это осознание, наполненное эмоциями. Понимаете, нет такого самосознательного человеческого существования, которое не было бы наполнено чувствами или тревогой.

Или какое-либо другое подобное качество. То, что мы сегодня называем экзистенциальными качествами человеческого существования. И поэтому в заголовках произведений Кьеркегора вы найдете такие слова, как страх, тревога и меланхолия.

Видите ли, это качества нашего самосознающего существа. А это, в свою очередь, подразумевает, что люди — не столько рациональные животные, управляемые разумом.

Это просветленное видение — это Бог. Мы не романтические существа, живущие в романтизированном мире. Всё в саду прекрасно .

Нет, романтизма больше нет. Если хотите, экзистенциализм — это романтизм, превратившийся в нечто кислое. Тыква сгнила.

Понимаете? И что же теперь будет делать Золушка? Это чувство усиливается в технологическом обществе. Я не уверен, что экзистенциализм вообще мог возникнуть до промышленной революции.

Но в индустриально развитом технологическом обществе присутствуют такие темы, как дегуманизация, отчуждение. Да, это была тема у Маркса.

Ну, он и Кьеркегор были современниками. Видели разные грани, но сталкивались с одними и теми же проблемами. Отчуждение.

Неоднозначность. Бессмысленность. Потому что самосознание в индустриальном обществе, где всё давит на нас, — это мир фактов без ценности, существования без смысла, существования без сущности.

Как выразился Сартр. И один немецкий писатель этого периода, скорее феноменолог, чем экзистенциалист, Макс Шелер, выразился так: мы — первое поколение, в котором человек стал для самого себя полностью и всецело проблематичным.

В этой ситуации он уже не знает, кто он по сути. Но в то же время знает, что не знает. И всё же отчаянно хочет узнать.

Представляете ? Вот в какой ситуации мы оказались. В мучительном осознании себя в несовершенном мире. Вот в какой ситуации мы оказались.

Экзистенциалистский подход не предложит никакой теории. Вы не предлагаете теорию для решения экзистенциальной тревоги. Точно так же, как вы не используете молоток, чтобы умыться.

Это неподходящий инструмент. Экзистенциалист не пытается опровергнуть оппонента, апеллируя к каким-либо универсальным нормам разума. Нет.

Он не пытается определить универсальную сущность человеческой природы, как это делают аристотелиасты или томисты. И уж точно не стремится к объективной отстраненности от всего этого.

Видите ли, нет, скорее, он пытается описать затруднительное положение в наглядной форме. Описать и прояснить ситуацию.

В том хаосе, в котором мы оказались. Пытаемся, если хотите, понять, чего же мы боимся. То есть, пытаемся описать эти экзистенциальные характеристики индивидуального существования.

Речь идёт о проблеме. Акцент делается на индивиде как субъекте, который сознательно ощущает своё существование. Понимаете?

Субъект со всей внутренней замкнутостью, присущей «я», субъекту. Понимаете? Даже «Мы, народ» Джерри Брауна слишком объективен и безличен.

Потому что у нас нет внутреннего мира, подобного чувства. Это индивидуальное «я». Поэтому задача описательная. И в этом, я думаю, справедливо будет сказать, что экзистенциализм в своем зарождении в XIX веке находится под влиянием этого направления.

На него явно оказали влияние Кант и Гегель. Ни один из них не был экзистенциалистом. Но без них, я думаю, справедливо будет сказать, что экзистенциализма никогда бы не существовало, по крайней мере, в той форме, в которой мы его знаем.

Возможно, экзистенциальные мотивы присутствовали и в трудах более ранних мыслителей. Августин. Паскаль.

Но не тот экзистенциализм, который мы знаем. Влияние Канта? Да, Коперниканская революция Канта. Которая, как вы помните, отошла от точки зрения, согласно которой мы являемся объективными, беспристрастными наблюдателями мира и должны приспособлять свое мышление к тому, что представляет собой мир.

Отталкиваясь от этого, революция, переходя от этого к пониманию того, что мир будет соответствовать нам, тому, кто мы есть, проникает внутрь. Таким образом, раскрывается кантовский акцент на трансцендентальном «я», трансцендентальном эго. Это предполагается в формах интуиции и категориях понимания.

Видите ли, это «я» привносит в мир свои собственные структуры и смыслы. Эта тема проходит красной нитью через всех экзистенциалистов.

Итак, влияние Канта здесь. Влияние Гегеля. Да, диалектика.

Диалектика разворачивающегося самосознания. Тезис, антитезис, синтез. Синтез становится тезисом для нового антитезиса.

Видите ли, это развертывание самосознания. Конечно, Гегель использовал эту диалектику для перехода от одной сущности к другой и так далее. Это теоретическая диалектика.

Для Кьеркегора это экзистенциальная диалектика. Видите ли, в конкретности наших чувств мы переходим от тезиса к антитезису и синтезу. Если, конечно, в конечном счете, как у Сартра, окончательного синтеза не существует.

Вот почему Сартр — пессимист. Поэтому, когда вы на следующей неделе будете читать «Преодоление эго» Сартра, вы обнаружите акт самосознания в любом мире. Не просто создание смысла, а создание самого себя.

Так что мы с тобой — сплошная пустота. И мы, так сказать, создаём себя заново в каждом акте мышления, восприятия, участия и так далее. Что ж, и это диалектический процесс.

Итак, вы обнаружите, что кантовское описание тезиса-антитезиса-синтеза состоит из понятий непосредственности, опосредования, непосредственности, опосредования, а затем следующего шага — синтеза, что бы это ни значило. Эта непосредственность, опосредование — эти термины характерны для экзистенциальных писателей. Кроме того, из работ Гегеля взято феноменологическое описание.

Видите ли, феноменологический метод. Это метод Гегеля. Поэтому помните о диалектике слуги и господина.

Потому что подобная диалектика самосознания будет распространенной. Еще одна тема, возможно, из философии Гегеля, — это вопрос свободы. Помните, Гегель говорил, что весь процесс истории — это абсолютизация свободы.

Развитие полного самосознания — это абсолютизация его свободы. Экзистенциалист забывает о какой-либо телеологии в истории, но находит абсолютизацию свободы. Видите ли, свободы индивида.

Не как часть какой-то абсолютистской сущности гегелевского толка, а как индивидуум. И в результате, для экзистенциалиста, движение происходит от существования к сущности. Понимаете ? От бытия, нет, ну, от бытия, если вы это подразумеваете под существованием, через становление.

Видите ? К другому виду бытия, с большой буквы. Сущность, а не существование. Вы обнаружите, что у Хайдеггера, например, это простое существование называется *Verhandensein* . Просто быть под рукой, как любой другой объект.

Видите ли, никакой внутренней идентичности вообще нет. *Verhandensein* . Или, если хотите, как *Dasein*.

Dasein. Вот оно. Вот оно.

Просто объект. В отличие от существования. Да, в этом и заключается смысл.

Терминология варьируется от одного к другому. Но акцент делается на процессе раскрытия экзистенциального самосознания в поиске и создании подлинного существования для себя. Хорошо, это общие характеристики.

Добавлю, что, несмотря на это, существуют разные разновидности экзистенциализма, в которых некоторые из этих характеристик выражены сильнее, чем другие. Есть, например, такие, которые совершенно нерелигиозны.

Существуют и другие экзистенциальные мыслители, которые являются религиозными. Очевидно, что Кьеркегор относится к религиозным, а Ницше — к нерелигиозным. Так что мы получаем нашу выборку именно здесь.

Но были и другие религиозные деятели, например, Габриэль Марсель, французский писатель-католик. Он был настолько разочарован другим нерелигиозным деятелем, а именно Сартром, что отказался называть себя экзистенциалистом и вместо этого придумал термин «философия существования». Марсель.

Или Пол Тиллих, протестантский теолог. Или Мартин Бубер, еврейский философ. А вот для неверующих здесь есть Сартр, есть Хайдеггер.

И так далее, и тому подобное. Однако одно лишь это различие порождает другое. Потому что, в частности, у таких людей, как Марсель и Бубер, приходит понимание того, что смысл, сопутствующий существованию, находится во взаимоотношениях.

Именно Бубер придумал, не придумал, а популяризировал термин «я-ты» через дефис. Он утверждает, что основное слово — это не «я», не «ты», а «я-ты». И «я» имеет значение только в отрыве от отношений.

Но переживание единства предшествует переживанию одинокого «я». И я думаю, что у маленьких детей это очевидно. И у Марселя — аналогично. И, конечно, у Кьеркегора подлинное существование обретается во взаимоотношениях с Богом.

Таким образом, одной лишь подлинности не существует. И неудивительно, что такой человек, как Сартр, который склонен рассматривать отношения как мазохистские, садистские и безбожные, в итоге утверждает, что во всем этом нет смысла. Да, в своем главном труде «Бытие и ничто».

Он не обсуждает любовь. Нет, он обсуждает сексуальность, но все его рассуждения сводятся к мазохизму и садизму. Никаких позитивных, заботливых отношений здесь нет.

А в чем причина? Ну, его феноменология начинает это объяснять, описывать. Объяснение, в конечном счете, я думаю, состоит из двух частей. Во-первых, биографическое.

Его автобиография, которая называется «Слова», весьма показательна. Но помимо этого, следует отметить, что у Сартра существует диалектика между тем, что он называет *l'angoir* (вечерний сон) и *le poursoir* (вечерний сон) . *L'angoir* — это просто то, что есть само по себе .

«Вещь сама по себе» — это то, что она есть для себя. Разве это не перекликается с идеями Канта? Вещь сама по себе, вещь для меня? Это кантовский язык. Суть в том, что самосознающий индивид озабочен, да, миром таким, какой он есть для меня.

Да. И этому постоянно препятствует непримиримость мира как такового . Сколько из вас читали пьесу Сартра «За закрытыми дверями»? Ладно, может быть, полдюжины.

Сделайте это, все остальные. Я хотел сказать, бездельники. Сделайте это! Боже мой, чем вы занимались всю свою жизнь? Вы прочтете это через час, если сможете выдержать.

Но видите ли, на фотографии изображены три человека, две женщины и мужчина, в комнате, из которой нет выхода. Оказывается, есть открытая дверь. Они просто не могут заставить себя выйти.

Это драматическая обстановка ада. Это загробная жизнь. Они живут со своим прошлым .

И здесь им приходится терпеть друг друга. Они пытаются помириться. И поскольку у двоих из них, кажется, всё довольно хорошо , то либо третий всё разрушает, либо один из них делает что-то, что уничтожает любые возможные отношения.

И вы получаете драматическую картину этого: человек, желающий заполучить другого для себя, оказывается отвергнутым этим другим, что, собственно, и есть его сущность . Понимаете? Пока в конце пьесы не звучит фраза: «Ад — это другие люди». Ладно, давайте продолжим.

Конец пьесы. Антитеза без синтеза . Антитеза «Заката». «L'Après-midi» без синтеза.

И это резко контрастирует с Марселем, у которого есть пьеса с участием еще одной тройки, пьеса под названием «Человек Божий». Протестантский пастор во Франции, чьи отношения с женой оставляют желать лучшего, и чья дочь вот-вот сбежит из дома. Понимаете ? И как раз в тот момент, когда казалось, что кризис вот-вот разразится, стук в дверь приводит одну из прихожанок с ребенком, отчаянно нуждающуюся в помощи пастора.

Он заботится о прихожанине . А потом, вернувшись к остальным, говорит: « Ну , теперь нам приходится жить ради таких людей» . Я только что сказал, что Марсель отвергает святого.

Я думаю, что «Человек Божий» — это осознанный отказ от «Запрета на выход». Там, вместо стремления к самореализации , присутствует идея самоотдачи, которая является основой для осмысленных отношений. Таким образом, это интересный контраст между этими двумя группами.

Хорошо. Давайте скажем несколько слов о Кьеркегорде. Ах да, кстати, один из его религиозных деятелей — русский православный Николай Баяев.

Таким образом, здесь представлены различные иудео-христианские традиции. Хорошо. Кьеркегор, датский мыслитель середины XIX века, получил образование в Германии во времена Гегеля.

И я думаю, справедливо будет сказать, что центральной темой у Кьеркегора, которая в некотором смысле задает тон для более позднего экзистенциализма, является тема становления личностью. Что для Кьеркегора означает становление христианином. Но, конечно, здесь возникает вопрос: что значит быть личностью в таком мире? И вы обнаружите, что Кьеркегор критикует несовершенства как просвещенческого понимания личности, так и романтического понимания вещей.

Просвещение и романтизм Ни то, ни другое не является достаточным. Мы не разумные животные; мы не связаны в первую очередь с внешними вещами. Мы не наполнены творческим духом, и это просто замечательно.

Нет, эти образы — мертвый, ложный оптимизм. Скорее, он говорит о двух путях к тому, чтобы стать христианином. И это наиболее систематически разработано в его работе под названием «Заключительное ненаучное послесловие».

В этом названии чувствуется немного его знаменитой иронии. Книга объемом около 400 страниц, вряд ли можно назвать послесловием. Мягко говоря, она ненаучна.

Знаете, к чему бы экзистенциалисты обратились, опираясь на науку XVIII и XIX веков? Что бы она просветила? И так далее. Но два пути к тому, чтобы стать христианином, о которых он говорит, — это объективный и субъективный пути.

Видите? Объективный путь — это путь естественной теологии. Или путь исторических свидетельств. И его претензия по этому поводу заключается в том, что они разнообразны.

Одна из проблем — нерешительность рационального мышления. Потому что вы знаете, как обстоят дела с аргументами и доказательствами. Существуют контраргументы .

Таким образом, вам всегда приходится отвечать на контраргумент . А затем есть аргумент против контраргумента , и вам нужно ответить на этот контраргумент в ответ на контраргумент . И затем есть контраргумент , и вы отвечаете на контраргумент против контраргумента .

И так далее, и тому подобное. И всегда найдётся что-то ещё, что нужно сделать. Это напоминает мне одного моего друга, который ещё в 50-х годах собирался написать небольшую книгу на определённую тему.

И он всё время повторял: «Ну, выходит ещё кое-что, ещё одна статья в журнале, которую я ещё не читал». И поэтому он отложил это до тех пор, пока не выйдет ещё одна. Сейчас уже 92 года.

Он на пенсии, и книга так и не была написана, понимаете? Да. Ну, Кьеркегор это понимает, видите ли.

Такова тенденция германской науки, немецкой науки XIX века. Помните, например, это трехтомное немецкое предисловие к «Слону»? Так вот, этот объективный путь никуда не ведет. Он никогда не заканчивается.

И, как говорит Кьеркегор, это происходит потому, во-первых, что ей не хватает абсолютной отправной точки, прямой связи с Декартом, понимаете. И, во-вторых, потому что её логика способна иметь дело с универсальными понятиями, но не с индивидуальным существованием. Помните, что дедуктивная логика должна Если между посылками предполагается наличие какой-либо логической связи, то термин, имеющий повсеместное распространение, должен встречаться в силлогизме хотя бы один раз.

Итак, традиционная логика — это не логика отдельного человека, уникального человека, уникальной ситуации. Но, кроме того, объективный путь лишает нас страсти. О да, хладнокровный, спокойный, просветлённый разум, знаете ли, лишает нас страсти, которая одна лишь даёт импульс вере, любви и надежде.

Так, например, на странице 297 вы найдете отрывок, в котором Кьеркегор утверждает, что логическая система возможна. Конечно, существует множество логических систем. Очень много: Спиноза, Лейбниц, Гегель, Декарт.

Логическая система возможна, но экзистенциальная система невозможна, понимаете, потому что её универсальные истины не могут уловить этого скользкого угря индивидуального существования. С другой стороны, субъективный путь — это совсем другое дело, потому что субъективный путь, внутренний мир, страстно откликается и откликается на Бога во Христе, противостоящего нам. Иными словами, если объективный путь скажет: «Я не могу доказать существование Бога» или «Я не могу доказать воплощение», то объективный путь скажет: «Здесь, кажется, есть что-то парадоксальное в вечном бытии во времени».

Как такое может быть? Вы увидите. Субъективный путь просто отвечает страстью веры и благодарной любовью. Вы увидите.

Именно это и означает стать христианином. Обратите внимание на эти термины. В некоторых местах он говорит об истине как о субъективном понятии.

Однако будьте осторожны. Он не имеет в виду, что это существует только в вашем воображении и нигде больше, что это популярное использование субъективного. Он не имеет в виду, что это относительно.

Потому что он использует термины «объективный» и «субъективный» для описания отношений человека с Богом или с истиной. Вы увидите. Или, точнее, он использует термин «объективный» для описания ваших рациональных отношений с истиной, отстраненных, оценивающих, как далеко вам еще предстоит пройти, и так далее.

И он использует слово «субъективный», говоря об отношениях не с истиной, а с самим Богом. Здесь акцент делается на личных отношениях, тогда как здесь — на логике естественной теологии. Видите разницу? А у скольких из вас есть Гарднер? Девиз бойскаутов: будь готов.

Хорошо, тогда вам придется попросить меня прочитать вам. Я прочитаю вам с 302 страницы. А вы можете перечитать её сами, чтобы лучше всё понять.

302. Когда вопрос об истине поднимается объективно, размышление объективно направляется к истине как к объекту, с которым познающий связан. Оно фокусируется на вопросе, является ли она истиной.

Если только объект, с которым он связан, является истиной, то субъект считается принадлежащим к истине. Но когда вопрос об истине поднимается субъективно, размышление направляется субъективно, то есть всей внутренней сущностью нашего существа, к природе отношений индивида. И если только способ этих отношений принадлежит истине, то индивид принадлежит истине, даже если ему суждено быть связанным с тем, что не является истиной.

Иными словами, вы можете неправильно понять некоторые вещи и ошибиться. Но субъективное отношение всё равно может существовать. Поэтому он говорит об объективном и субъективном путях.

И указывается, что объективное акцентирует то, что говорится, а субъективное — то, как это говорится. Теперь подумайте о двух способах, которыми вы могли бы прочитать Апостольский Символ веры.

Я верю в Бога Отца Всемогущего, Творца неба и земли, и в Иисуса Христа, Его единородного Сына, Господа нашего, рожденного от Девы Марии, и так далее. Теперь объективная часть гласит: Я верю, что все эти утверждения истинны. Субъективная часть говорит: Господи, я верю.

Всем сердцем я верю. Таким образом, у него есть это определение истины, осмысленное субъективно как объективная неопределенность. Конечно, вы не получили логического доказательства с абсолютной достоверностью.

Это противоречит фундаментализму. Объективная неопределенность, прочно укоренившаяся в процессе присвоения самых сокровенных внутренних переживаний. Вот это и есть высшая истина, достижимая для существующего индивида.

Складывается ощущение, будто его текст — это слова человека из Евангелий: «Господи, верую, помоги моему неверию». То есть, отсутствие у меня логической уверенности — это одно дело. Но я верю страстно.

Большая часть работ Кьеркегора посвящена именно этому. Что это за страстные отношения? Как мы можем описать их феноменологически? Именно это мы рассмотрим в следующий раз. Речь идёт о таких понятиях, как вера, любовь, меланхолия, страх, болезнь смерти и т.д.

Так что мы заберем его там в среду.